

Макроструктура дискурса. Лингвокультурные особенности коммуникантов

1. Лингвокультурология: единицы для дискурсивного анализа

Глубокие прозрения Эдуарда Сепира остались справедливыми и важными более чем семьдесят лет спустя: во-первых, относительно того, что «язык [является] символическим руководством к пониманию культуры» (Sapir 1949: 162). Имеется весьма тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит. Это в равной мере относится к внутренней и к внешней стороне жизни.

Язык — и, в частности, его словарный состав — представляет собою лучшее доказательство реальности «культуры» в смысле исторически передаваемой системы «представлений» и «установок». Конечно, культура в принципе является неоднородной и изменчивой, но таков и язык.

Свойством языка является "его организующая и упрочивающая роль в самом членении и восприятии мира, в активизации сознания на те или иные аспекты и детали действительности... Язык в значительной мере строится так, чтобы учесть и отразить объективно существующие общие черты различных предметов и явлений и чтобы обобщить человеческий опыт по выявлению сходств и различий, тождеств и нетождеств" (Кубрякова, 1988: 170).

Языки, используемые в различного рода дискурсах, очень неоднородны по характеру своей лексики. Различия, которые кажутся нам неизбежными, могут полностью игнорироваться языками, отражающими совершенно иной тип культуры, а эти последние, в свою очередь, могут проводить различия, непонятные для нас. Подобные лексические различия выходят далеко за пределы имен культурных объектов, таких как наконечник стрелы, кольчуга или канонерка. Они в такой же степени характерны и для ментальной области.

Опора на данные лингвокультурологии не только отвечает смене парадигм в гуманитарных науках, а точнее — обогащению существующих парадигм новыми, но и предполагает более широкий охват исследуемой проблемы, интегрируя достижения как различных научных дисциплин, прежде всего гуманитарных, так и разных направлений в лингвистике (функционального направления, антропологической лингвистики, теории речевых жанров и т.д.) (Голубева 2002: 4). Лингвокогнитивные единицы: фреймы, сценарии (скрипты), примитивы, денотативные классы и др. Лингвокультурные единицы: ключевые слова, прецедентные высказывания, языковые стереотипы и др.

2. Ритуальное происхождение языка vs ритуальные речевые действия в дискурсе

Выстраивая представления об институциональных характеристиках дискурса, следует говорить о ритуальном происхождении языка, имея при этом в виду, что именно ритуал был тем исходным локусом, где происходило становление языка как знаковой системы, в которой предполагается связь означаемого с означающим, выраженным в звуках.

Ритуал — упорядоченная система речевых действий, служащая регуляции взаимоотношений в социуме; ритуал древнее языка, предшествует ему и во многих важных чертах предопределяет его. Ритуальное общение обладает следующими универсальными характеристиками: ненаправленность, неинформативность, бессодержательность, невовлеченность партнеров в общение.

Ритуальная деятельность явилась основой появления наглядного образного типа мышления. С точки зрения своего генезиса, появление ритуального типа деятельности связано с сакрализацией, т.е. безусловной обязательностью выполнения тех или иных действий как неперемного условия передачи коллективного опыта группы. Как отмечает В.Н.Топоров, с точки зрения мифопоэтического мировоззрения, существенно, релевантно лишь то, что сакрализовано, а сакрализовано лишь то, что составляет часть Космоса, выводимо из него, причастно к нему. Только в сакрализованном мире известны правила его организации, относящиеся к структуре пространства и времени. Вне его — Хаос, царство случайностей. Поэтому ограничения на язык накладываются именно в силу необходимости избежать появления новых парадоксов, которые могут разрушить действие сакральных канонов и этим вернуть людей к Хаосу (Топоров, 1973: 114). Обратим внимание на то, что без семиотических систем, способных выполнять моделирующие функции (в отечественной литературе благодаря творчеству лингвистов московско-тартуской школы за ними закрепилось название "вторичные моделирующие системы"), невозможно обеспечить накопление и передачу в дискурсе информации в сколь-либо значительном объеме, за исключением простейших практических навыков, и обеспечить преемственность культуры в диахронном плане (модели мира), а также регулировать социальное поведение носителей данной традиции (модели поведения в мире). Сфера ритуализированного поведения связана с регулирующей функцией семиотических систем. При этом понятно, что сакрализуется лишь то, что существенно важно.

Для ритуальной деятельности в дискурсе характерен один весьма существенный признак: ритуальная деятельность обуславливается на уровне действий субъективным смыслом, абстрагированным от реальности конкретной топологии. Именно в этом заложен тот потенциал, который дает импульс развитию высокоорганизованных знаковых систем для хранения и передачи информации — языка в первую очередь. Дело в том, что сообщением в ритуале является сам ритуал и уже постольку его можно

считать коммуникативным актом. Тем самым мы рассматриваем ритуал и как канал трансляции культуры, и как деятельность, порождающую ментальные парадигматические связи. Ритуал никоим образом нельзя сводить к театральному действию, иллюстрирующему миф. Ритуал является объективно и субъективно практической деятельностью, опосредованной в системе кодов. Другое дело, что ритуал является формой превращенного сознания (термин В. Зомбарта) и тем самым не в состоянии разграничить причинно-следственные связи, объективно существующие в мире, от порожденных неверно истолкованным опытом.

3. Типология актов ритуальных коммуникации

В социальных, межгрупповых ситуациях общения главной задачей партнеров является поддержание связи с социумом, подкрепление представления о себе как о члене общества. При этом важно, что партнер в таком общении является как бы необходимым атрибутом выполнения ритуала. В коммуникации существует огромное количество ритуалов в которых каждый говорящий/слушающий участвует только как некоторая маска с заранее заданными свойствами и которые требуют от участников только одного — знания правил игры.

«Типология ритуальных действий может строиться на специфике действий, ставших ритуальными (внешний ритуальный аспект), и на специфике собственно ритуальной тональности (внутренний ритуальный аспект)» (Романова, 2001: 30).

В свою очередь акты ритуальных действий в дискурсе подразделяются на культовые и социально-институциональные. Культовые делятся на обрядовые и магические, а социально-институциональные на ритуальные акты социальной перформации и на ритуальные акты нормативно-регламентированного положения дел, вещей, отношений (Романова, 2001: 33).

Обрядовые акты ритуальных действий членятся на религиозные и светские акты ритуального взаимодействия, а магические — на псевдомагические и мобилизующие (Романова, 2001: 33).

Пример. (религиозный)

К1(священник): *Вы готовы принять обряд крещения?*

К2(прихожанка): *Да! Я готова.*

К1: *Тогда надевай белую одежду — в знак чистоты, освобождения от власти лукавого и злого духа.*

К2: *Хорошо.*

К1: *Крещенская — Богоявленская, смой нечистоту, душу освежи, телеса очисти, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Как снежок будь чистый, как ледок крепкой. Вот тебе сухой просvirки и запивай водицей.*

Пример.(светский)(х/ф Свадьба лучшего друга, 1997)

К1: *How is Mr. Brown?*

К2: *He is in hospital.*

K1: *I am sorry to hear it. What's the matter with him?*

K2: *He had an operation.*

K1: *I hope he'll be all right.*

K2: *Let's hope for the best.*

Пример. (псевдомагический) (х/ф Бешеные псы, 2005)

K1: *The father I come to you on a confession.*

K2: *In what your error?*

K1: *I told lies to the husband, that I am pregnant.*

K2: *What for you have made it, my daughter?*

K1: *That it has not left without me for business trip.*

K2: *Whether you read prays post?*

K1: *Yes! Relieve of my sin the father!*

K2: *Dark open, in light clothes.*

K1: *Thanks.*

Пример. (мобилизующий) (х/ф Республика ШКИД, 1966)

K1: В общем, парень аккуратный, старательный, вежливый, по-моему, не курящий. Ну, кто согласился бы взять Григория Черных к себе?

K2: Нет, нет. У меня сто таких гуманистов.

P3: И у меня такого добра достаточно. Сам могу предложить!

K1: Ну, не в тюрьму же парня!

Акты социальной перформации подразделяются на формальные и неформальные акты ритуального взаимодействия, а нормативно-регламентированные — на церемониальные ритуальные интеракции и на ритуальные акты нормативных последствий (Романова, 2001: 33). См. таблицу 5. Типология актов ритуальной коммуникации (Глава 6, стр. v приложения).

4. Лексические и синтаксические особенности представления акта ритуальной коммуникации

Использование соответствующих средств свидетельствует о том, что «участники речевого контакта символизируют свою приверженность нормам и ритуалам речевого взаимодействия» (Сухих, 2004: 213).

Ритуализированные средства языка характеризуются конвенциональностью, подчиненностью нормам социального взаимодействия, отражают уровень и статус участников общения. При этом первичное значение слов, манифестирующих данный ритуал, нейтрализуется.

Пример. (Garfinkel, Studies in ethnomethodology):

K1: *How are you? (1)*

K2: *How am I in regard to what? My health, my finances, my school work, my peace of mind, my...? (1a)*

K1: *Look! I was just trying to be polite. Frankly, I don't give a damn how you are? (1б)*

Второй коммуникант разрывает ритуал в репликовом шаге (1а), проигнорировав традицию нейтрализации первичного значения ритуализированных средств языка, что привело к коммуникативному рассогласованию в репликовом шаге (1б).

Ритуальное протекание беседы имеет преимущества как для говорящего, так и для слушающего. Привычное языковое оформление информации требует меньше затрат на ее декодирование. Слушающий знает, на какой части беседы ему надо сосредоточить свое внимание. Важно заметить, что ритуализация имеет место не только в формальных беседах. Существует множество ситуаций, в которых, есть необходимость сигнализировать о сообщении своего мнения: *In my opinion..., to my mind; Я считаю, что, по моему мнению, я вижу это так: ..., я придерживаюсь той точки зрения, что...;* проверить понимание: *Could you possibly repeat? Are you through? Это ясно? Что Вы сказали? Ты поняла меня?* перебить собеседника: *Yes, but...; Sorry, I'd rather contradict you; Могу ли я Вас на минуточку перебить? минуточку..., да, но....* При повторяющихся языковых ситуациях или решении стандартных задач, говорящие прибегают к устоявшимся языковым выражениям. Без этих «языковых заготовок» понимание было бы значительно затруднено; они заботятся о беглости говорения, разгрузке в речи, уверенности в поведении.

Особенностью ритуализированных средств языка говорящего в дискурсе является их рутинный характер, что создает иллюзию возможности их механического употребления. Однако состав этих средств говорит о том, что они социально детерминированы. Например, употребление разных формул извинения обнаруживает явную социокультурную дифференциацию: *Извините; Простите; Искренне прошу извинить меня за то, что; Тысяча извинений, Соррью; I beg your pardon; excuse me; sorry; I apologize; pardon; justify.* Употребление конкретной единицы зависит от степени официальности отношений и от ситуации общения, которая постоянно меняется.

Всякая речевая деятельность в дискурсе, в том числе и ритуальная, носит «регулятивный характер» (Романов, 1988: 273). Следовательно, ролевые характеристики коммуникантов играют немаловажную роль в ритуальной коммуникации. При неравнозначном ролевом статусе ритуальная интеракция не отличается ни экспрессией, ни эмоциональностью и зачастую представляет собой лишь строго канонизированный акт коммуникации:

K1: Доброе утро, Мария Ивановна (1)

K2: Здравствуй, Сидоров (1а)

Далеко не такими сдержанными представляются ритуальные акты при равнозначном ролевом статусе коммуникантов. Например, канонизированный речевой ритуал «приветствие» может быть выражен нейтральными языковыми средствами или этикетными формулами, характерными для определенного социального института: *Good morning! How are things?; How're you getting on?; How nice to see you! Здравствуйте! Добрый день! Здравия желаю!* Неканонизированный ритуал «приветствие»

может быть представлен как нейтральными, так и стилистически окрашенными языковыми средствами. *Hiya! How the fuck are you? Здорово!*

Регулятивный характер ритуальной коммуникации в дискурсе определяет использование определенных синтаксических категорий, не свойственных другим видам коммуникации. К их числу относятся номинация самого действия, использование конструкции первого лица единственного числа простого будущего времени действительного залога индикатива, использование третьего и второго лица настоящего времени страдательного залога индикатива, использование сослагательного наклонения при глаголах с семантикой «совет», «рекомендация». Корректное указание адресата и субъекта действия способствует успешности коммуникативных ритуальных действий в любом дискурсе. Акт номинации может быть представлен именованим адресата ритуального речевого акта или самоименованием субъекта.

5. Лингвокультурные характеристики говорящего и слушающего в дискурсе

Реализация репрезентативной иллокутивной функции (на материале лингвокультурных особенностей речевого этикета) в дискурсе

В языке существуют "зоны", в большей или меньшей мере чувствительные к влиянию культурных факторов. Например, формы обращения к собеседнику, стереотипы приветствий, прощаний, поздравлений, извинений и т.п. — словом, *вся система фреймов контактивно-регулятивного иллокутивного типа* в наибольшей степени обусловлена социально-культурными характеристиками коммуникантов и ситуацией общения.

При этом в разных языках и языковых сообществах действуют разные рекомендации и запреты, касающиеся употребления тех или иных этикетных формул. Эти формулы достаточно условны: на их месте могли бы быть другие языковые выражения с той же функцией, однако традиция — культурная и языковая — укрепила в употреблении именно данные речевые формы, не какие-либо иные, и пренебрежение условностями этикета, попытки "вольничать" с этикетными шаблонами могут вести к непониманию и конфликтам.

Если вы начинаете общение с вашим знакомым без обычного *здравствуй(те)* или *добрый день*, то он может либо оскорбиться, либо предположить, что у вас случилось нечто, выбившее вас из обычной колеи и заставившее пренебречь формами этикета.

Уход из гостей без прощания оценивается в русском обществе как невежливое поведение; англичане же относятся к этому иначе, и в русском языке даже существует оборот "уйти по-английски" — незаметно и потому не прощаясь (любопытно, что в английском языке то же действие обозначается словосочетанием *to take French leave*, т.е. 'уйти по-французски').

В современных лингвистических исследованиях указано (Ощепкова, 2004; Карасик, 2002), что обращение по имени в соответствии с русскими обычаями возможно лишь к близкому или хорошо знакомому человеку. При этом обычно используется не полное, так называемое паспортное, имя, а уменьшительное: не *Вячеслав*, а *Слава*, не *Екатерина*, а *Катя* (правда, в последнее время, особенно в молодежной среде, наблюдается тенденция использовать в этой функции полную форму имени: *Александр*, *Леонид*, *Святослав*, однако это еще не стало общерусской нормой). У американцев принято более свободное употребление личного (и часто также уменьшительного) имени: например, коллеги по научной работе — не обязательно друзья или близкие знакомые! — могут называть друг друга *Билл*, *Боб*, *Сьюзи*.

На юге США в прошлом существовали очень строгий различия между обращениями белых к черным, с одной стороны, и черных к белым — с другой. От рабов всегда требовалось обращаться к каждому из правящей социальной группы, добавляя вежливое *сэр*, или *мистер*, или *мадам*. К ним же обращались: *бой* или только по имени.

Среди некоторых национальностей современной Индии о лице, занимающем высокое социальное положение, принято говорить, употребляя местоимение и глагольные формы множественного числа. В буквальном переводе это звучит так: *Судья начали заседание; Доктор заняли место председателя*. Такое лицо и о себе говорит в столь же почтительной форме: *мы пошли, нас предупредили*, а не *я пошел, меня предупредили*. С этим можно сравнить обороты, существовавшие в старом русском просторечии: *Барыня кушают, Барин гневаются*, а также клише, начинавшее царские постановления: *Мы, милостию Божией государь и император всея Руси Николай Второй...*

Местоимение 2-го лица единственного числа, соответствующее русскому *ты*, используется в языке раджастхани (Индия) при дружеском обращении вышестоящего к нижестоящему или старшего по возрасту к младшему. Такое обращение возможно также в случае, когда говорящий ощущает большое интеллектуальное превосходство над адресатом (или это превосходство признается всеми членами данного социума): например, деревенский мудрец, к которому односельчане обращаются за советом и помощью, всем без исключения говорит *ты*, в том числе и сильным мира — богатому торговцу, землевладельцу.

В Венгрии, по наблюдениям венгерского лингвиста академика Ф. Паппа, обращение на *ты* (*te*) широко распространено в среде интеллигенции и мало встречается у крестьян: крестьяне обращаются друг к другу на *вы*, даже жена мужа называет на *вы* (а он ее — на *ты*). Среди интеллигентных людей одной профессии принято обращение на *ты*, даже если между собеседниками большая разница в возрасте и они мало знакомы друг с другом: на *ты* может происходить, например, общение специалистов, впервые встретившихся на профессиональной конференции. Если жёны на *ты*, то и их мужья, несмотря на возможную значительную разницу в возрасте

и не очень близкое знакомство друг с другом, тоже должны придерживаться этой формы личного обращения.

У некоторых народов речевой этикет очень своеобразен и сложен. Например, в сельских районах Мексики в обращениях к собеседникам используются два местоимения 2-го лица: литературное испанское *usted* и менее вежливое *tú* (сравните русские *Вы* и *ты* или немецкие *Sie* и *du*). Но любопытно, что уважительное *usted* используется не только официальных ситуациях и при обращении младших к старшим, но и при обращении... к собакам и кошкам, том да как других животных называют на *tú*. Это связано со спецификой культурно-бытовых традиций, в которых собакам и кошкам отводится особое место: в отличие от других животных, собака и кошка постоянно находятся в доме (или при доме), они как бы члены семьи. Местоименное обращение *usted* и служит своеобразным отличительным признаком такого особого положения этих домашних животных.

Чрезвычайно разработанная система речевого этикет сохраняется по традиции в Японии и некоторых других странах Востока. У японцев существуют иерархически упорядоченные совокупности форм приветствий, рекомендаций, просьб, благодарности и т.п., использование которых зависит от социального статуса собеседника, его возраст пола, уровня культуры и других признаков (подробнее см. (Алпатов, 1973)).

Еще более сложны и дифференцированы формы вежливости в таких языках, как корейский, тибетский, яванский. Корейцы, например, различают шесть рядов морфологических форм, каждая из которых связана с определенными отношениями между собеседниками: если социальное положение говорящего ниже, чем социальное положение адресата, употребляются одни формы, если выше — другие при равенстве — третьи. Различаются по использованию этих форм виды речевого общения младшего по возрасту со старшим, женщины с мужчиной, мужчины с женщиной и т.д. Кроме того, еще два ряда форм служат для обозначения разных отношений между говорящим и тем, о ком (или о чем) идет речь в данной ситуации.

В тибетском языке одно и то же значение выражается по-разному, имеет ли говорящий в виду себя или кого-либо другого, к кому он относится с почтением. Например, слова «*u*» и «*go*» значат 'голова', но «*u*» — почтительная форма, а «*go*» — обыкновенная (о своей голове говорящий не скажет «*u*», а только «*go*»). Так же различаются слова *gongpra* и *sampa* 'мысль', *chhab* и *chru* 'вода' и некоторые другие.

"В яванском языке, — пишет исследователь этого языка К. Гирц, — почти невозможно что-либо сказать, не указав на различия в социальном положении говорящего и слушающего. Эти различия сильнее, чем те, которые символизируются местоимениями *du* и *Sie* в немецком (или *ты* и в русском). Приветствуя человека, занимающего более низкое социальное положение, чем говорящий, последний использует выражение *Apa padda slamet?* 'Как дела?'; встречаясь же с лицом, которое выше его на социальной лестнице, он говорит нечто совсем иное, более вежливое, но имеющее тот же смысл: *Menapa sami sugeng?* Точно так же различаются и другие формы

обращений и приветствий. Более того, многие слова и аффиксы, помимо их собственных значений, несут еще дополнительную нагрузку в условиях живой речи: они указывают на социальный статус собеседников и на степень близости их отношений. Так, слова *omah*, *grija*, *dalem* значат 'дом', но употребляются они различно: *omah* можно сказать при разговоре с человеком более низкого социального статуса, чем говорящий, *grija* — при разговоре с равным, третье же слово — *dalem* — самое "уважительное": оно используется в общении с лицом более высокого социального положения" (Geertz 1970: 282-283).

Способы репрезентации типовой иллокутивной функции отличаются не только национальным, но и социальным своеобразием. Способ обращения к собеседнику, виды приветствий, благодарности, приглашения, прощания и т.п. зависят от социального положения обоих коммуникантов, их пола и возраста, от характера их взаимоотношений.

Речевой этикет — лишь одна из "зон", испытывающих на себе влияние социальных и культурных факторов, регулирующих использование языковых средств. На других участках языковой системы это влияние имеет более скрытые и сложные формы. Сравнивая меру этикетности на материале различных речевых актов применительно к различным сообществам, можно прийти к выводу о большей или меньшей иерархичности в культуре общества.

Ранее было указано, что помимо прямых и косвенных выделяют системные речевые акты (Карасик, 2002). Для понимания системного речевого акта недостаточно включиться в контекст ситуации, необходимо включение в контекст определенного коммуникативного стиля, характерного для той или иной цивилизации или эпохи. Так, в средневековье все было погружено в чувство вечной вины, и даже имени своего не подписывали без добавления слова «грешник» (Почепцов (мл.), 1987: 34—35).

Системный речевой акт представляет собой культурно обусловленное явление, для интерпретации которого необходима значительная информация. Таковы ритуальные формулы. Примером подобных формул являются выражения, которыми открывались собрания, посвященные критике ревизионизма в период «культурной революции» в Китае: «Восточный ветер мощно дует, все больше новостей о победе», «Без разрушения нет созидания», «Друг есть друг, враг есть враг, и нужно четко их различать». После таких фраз начиналась критика в адрес конкретного человека, обвиняемого в ревизионизме, затем обвиняемый долго перечислял свои заблуждения и ошибки и просил товарищей критикой помочь ему. Сложилась формулы завершения речи: «Благодарю за внимание», «Прошу покритиковать и помочь», «Приветствую критику», «Прошу не отказать».

Особенности национальных характеров, эксплицирующихся в дискурсе

В английском и русском, в отличие от немецкого, преобладают гласные звуки, располагающие к радостному восприятию мира и к готовности прийти на помощь, утверждают исследователи.

Трудно говорить о характере англичан, как трудно говорить о характере русских, китайцев или любого другого народа в целом. Сколько людей, столько и характеров. Однако какие-то наиболее типичные черты или нормы речевого поведения, безусловно, отличают один народ от другого. У англичан такими обобщающими чертами являются стабильность и постоянство, терпимость и невмешательство в чужие дела, замкнутость и индивидуализм.

Стереотипное представление о британцах включает такие черты, как сдержанность (считается, что они молчаливы и не склонны внешне проявлять свои чувства); они мужественны и не теряют присутствия духа в трудных ситуациях. Это качество характера отражено во фразе "They keep a stiff upper lip", которую можно перевести на русский язык как «Они не принимают трагического выражения лица, с опущенными вниз уголками рта, не ноют». Считается также, что британцы — большие мастера недоговоренности. Они не склонны демонстрировать ни свои достоинства, ни переживаемые ими жизненные невзгоды. О личных проблемах либо вообще не упоминают в разговоре, либо говорят с улыбкой, полушутя.

Кроме того, стереотипное представление о британце — это представление о человеке, который всегда безупречно вежлив и корректен, знает, какой вилкой, ложкой или ножом следует пользоваться, и постоянно говорит «пожалуйста», «извините», «спасибо».

Конечно, достаточно вспомнить об английских футбольных болельщиках, имеющих скандальную славу забияк, драчунов далеко за пределами своей страны, чтобы обнаружить, насколько далек этот стереотип от реальности.

Американцы часто подчеркивают, что британцы «чудаки» или «с чудиной» (*quaint*), несколько старомодны. Такое впечатление о британцах, в частности, объясняется тем, что в британском варианте английского языка бытуют слова и грамматические структуры, которые давно вышли из употребления в американском английском и воспринимаются американцами как устаревшие или официальные. Любимое прилагательное британцев, как считают американцы, — это «lovely» («очаровательно»), используемое ими при описании всего, что угодно, включая погоду. Американцы начинают улыбаться, когда слышат некоторые другие слова, часто используемые британцами: *holiday* («праздник», в британском варианте английского языка имеет значение «отпуск, каникулы»), *smashing* (потрясающе), *brilliant* (блестяще, блестящий). Конечно, восприятие Британии как страны, где все ведут себя хоть и странно, но мило, далеко от действительности, и люди, побывавшие в этой стране, обычно приезжают не только с положительными, но и негативными впечатлениями о ней. Иногда говорят, что британцы снобы и не очень дружелюбны, прославленная сдержанность британцев часто воспринимается как холодность, кроме того, в отличие от открытой, внешне эмоциональной манеры общения американцев, создается впечатление, что британцы говорят совсем не то, что думают. Они говорят, например, "*That's no problem*", зная, что в действительности могут возникнуть серьезные

проблемы, и недоумевают, когда их собеседники не понимают, что они имеют в виду.

Англичанам присущ практический подход к морально-этическим проблемам. Школа, религия, правосудие — все эти институты делают упор на поведение человека, а не на его побуждения.

Наслышанные о терпимости англичан, многие иностранцы ошибочно трактуют ее как способность одного человека понять побуждения другого и тем самым оправдать действия другого. На деле же англичане понимают под терпимостью невмешательство в чужую частную жизнь, предполагая в свою очередь, что каждый должен также уважать частную жизнь окружающих.

Чувство личной независимости — важный фактор человеческих взаимоотношений. Личные склонности и даже личные странности людей не вызывают противодействия со стороны окружающих. Невмешательство в частную жизнь друг друга — вот краеугольный камень английской этики.

Не последнее по важности качество национального характера, воспитанию которого уделяется большое внимание и привилегированных частных школах — умение подчиняться и управлять, соблюдать правила игры.

Итак, образы, вызываемые словом у носителей разных культур, не всегда тождественны, что объясняется различием предшествующего опыта, культурно-исторического наследия, расхождением понятий и т.д. Словесное выражение образа обусловлено законами номинации языка, само же его возникновение и характер определяются внутренней формой слова и его внешними ассоциативными связями.

6. Способы анализа лингвокультурных особенностей коммуникантов в дискурсе

Культуроспецифичные слова представляют собою понятийные орудия, отражающие прошлый опыт общества касательно действий и размышлений о различных вещах определенными способами; и они способствуют увековечению этих способов. По мере того как общество меняется, указанные орудия могут также постепенно видоизменяться и отбрасываться. В этом смысле инвентарь понятийных орудий общества никогда не «детерминирует» полностью его мировоззрение, но очевидным образом оказывает на него влияние. Аналогичным образом взгляды отдельного индивида никогда не бывают полностью «детерминированы» понятийными орудиями, которые ему дает его родной язык, частично оттого, что всегда найдутся альтернативные способы выражения. Но его родной язык очевидным образом оказывает влияние на его концептуальный взгляд на жизнь. Людям, хорошо знающим два разных языка и две разные культуры (или более), обычно очевидно, что язык и образ мышления взаимосвязаны (ср. Hunt & Venajı 1988).

В большинстве случаев власть родного языка человека над характером его мышления так сильна, что он думает об условных соглашениях, в которых принимает участие, не в большей степени, чем о воздухе, которым

дышит; и, когда другие пытаются привлечь его внимание к этим условностям, он, возможно, даже будет с как будто непоколебимой самоуверенностью отрицать их существование. И опять этот момент хорошо иллюстрируется опытом тех, кто был вынужден приспособливаться к жизни в рамках иной культуры и иного языка, как американская писательница польского происхождения Эва Хоффман (Hoffman 1989), чьи «семиотические воспоминания», озаглавленные «Теряется при переводе: жизнь в новом языке» (*Lost in translation: A life in a new language*), должны бы быть обязательным чтением для всех, кто проявляет интерес к данному предмету (цит. По (Вежбицкая, 2001: 27)): «Если вы никогда не ели настоящего помидора, вы подумаете, что искусственный помидор — это и есть настоящий, и вы им полностью удовлетворитесь, — сказала я своим друзьям. — Только когда вы попробуете и тот, и другой, вы узнаете, в чем разница, даже если ее почти невозможно описать словами».

Для того чтобы понять, чем озабочена данная культурная общность, цифровые показатели следует рассматривать в контексте тщательного семантического анализа. Для того, чтобы обосновать утверждение, что то или иное слово является одним из «ключевых слов» некоторой речевой культуры, надо:

1. установить (с помощью или без помощи частотного словаря), что слово, о котором идет речь, представляет собою общеупотребительное, а не периферийное слово;

2. установить, что слово, о котором идет речь (какой бы ни была общая частота его употребления), очень часто используется в какой-то одной семантической сфере, например в сфере эмоций или в области моральных суждений;

3. нужно продемонстрировать, что данное слово находится в центре целого фразеологического семейства, подобного семейству выражений с русским словом *душа* (ср. Wierzbicka 1992b): *на душе, в душе, по душе, душа в душу, излить душу, отвести душу, открыто душу, душа нараспашку, разговаривать по душам* и т. д.;

4. надо показать, что предполагаемое «ключевое слово» часто встречается в пословицах, в изречениях, в популярных песнях, в названиях книг и т.д.

Доказательством реального существования культурных норм и общих представлений служит язык и, в частности, значения слов. Лингвистическая семантика дает нам строгую методику расшифровки таких значений и, следовательно, разъяснения связанных с ними неявных допущений для тех, кто находится вне данной культуры.

Для выявления лингвокультурной составляющей значения репликовых шагов, которыми обмениваются говорящий и слушающий, следует анализировать глубинные структуры предложений, входящих в состав репликовых шагов. Пресуппозиции входят в число культурных навыков, однако те из них, которые обладают универсальной значимостью, являются составной частью знаний о мире, свойственных человеку как виду.

Например, фраза *Он начинает говорить «мама»* предполагает пропозицию «это ребенок» (если исключить совершенно особый случай, когда мы имеем дело с юношей, выросшим среди дикой природы). Далее, в построении и интерпретации смысла, помимо буквы, участвует и конкретная ситуация словесного обмена. Так, если об умирающем человеке мы скажем *Он скоро нас покинет*, это не значит, что он вот-вот отправится в путь. Для истолкования многих сообщений в условиях обыденного общения привлекаются элементы невербальной коммуникации: телодвижения, в частности, движения головы и рук, другие разнообразные жестовые компоненты, позы, действия. Смысл также связан со степенью знакомства говорящих, то есть со всем тем, что они знают друг о друге; сюда входят поступки, представления, обычное состояние духа, стиль жизни, габитус⁴) в различных сферах. Если мы ничего не знаем о политических воззрениях собеседника, например, в начале диалога, то мы не можем точно понять, что для него значат такие слова, как *левый, правый, демократия, коммунизм, феминизм* и т.п. В силу варьирования ситуаций взаимное знакомство партнеров так же варьирует, как и культурные навыки и конкретные ситуации общения.